

НОВОЕ СЛОВО

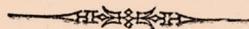
ЖУРНАЛЬ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

ГОДЪ II. КН. 8.

М А Й

1897.

КОНТОРА РЕДАКЦИИ:

С.-Петербургъ. Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1897 г. — Май. № 8.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ВЪ ГОРАХЪ. Эскизъ. В. Сѣрошевскаго.	1— 24
2. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РОМАНТИЗМА. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты. (Продолженіе). К. Т—на.	25— 60
3. ВЪ ВРАТАХЪ ЭДЕМА. Романъ. У--Х. В. Свѣтлова.	61— 94
4. ПРИНЦИПЪ ЭВОЛЮЦІИ. Эдмона Перье. (Переводъ съ французскаго).	95—102
5. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка).	103—118
6. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. XXXV—XXXIX. Н. Ельцовой.	119—153
7. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИДЕЙ И ОТНОШЕНІЙ ВЪ ГЕРМАНИИ ВЪ XIX ВѢКЪ. (Продолженіе). С. Т. Р.	154—167
8. ИЗБАВЛЕНІЕ. Набросокъ. Маріана.	168—180
9. * * * Стихотворенія. Мих. Г.	181—182
10. ЗАКОНЪ ПРИЧИННОСТИ И СВОБОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ДѢЙСТВІЙ. С. Булгакова.	183—199
11. ЕЩЕ О СВОБОДѢ И НЕОБХОДИМОСТИ. П. Струве.	200—208
12. ЯКОВЪ ПОСЛѢДНІЙ. Романъ изъ быта австрійскихъ крестьянъ. П. К. Розеггера. (Пер. съ нѣмецкаго).	209—240

13. РАЗВИВАЕТСЯ ЛИ КАПИТАЛИЗМЪ ВЪ РУССКОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ? И. Гурвича.	1— 20
14. Н. И. НАУМОВЪ. Н. К.	21— 41
15. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ. III. «Мужики» г. Чехова. Novus.	42— 51
16. НОВЫЯ КНИГИ.	

I. **Беллетристика.** В. Быстренинъ. Житейскія были. Очерки и рассказы. II. **Публицистика.** В. С. Драгомірецькій. Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. III. **Исторія и исторія культуры.** Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Переводъ съ нѣмецкаго М. Гершензона.—I. Гонеггеръ. Исторія человѣческой культуры. Переводъ съ нѣмецкаго М. Чепинской. IV. **Географія.** Викторъ Бартенева. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. (Очеркъ Обдорскаго края). V. **Политиче-**

ская экономія. Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Исследование магистра государственнаго права Н. Бржескаго. — А. А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. VI. **Естествознание и медицина.** Крафтъ-Эбингъ. Учебникъ психіатри. Перев. А. Черемшанскій. — П. Флексигъ. Мозгъ и душа. Перев. Н. Березина. — Р. Fleischig. Предѣлы душевнаго равновѣсія. Перев. С. Штейнгауза. — Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбриологію. Состав. проф. А. М. Маршалъ. Пер. проф. Н. Зографъ.

17. КЪ ВОПРОСУ О ДВИЖЕНІИ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ Л. Р. 52—

18. ГРАМОТНОСТЬ ВЪ СВЯЗИ СЪ ДИФФЕРЕНЦІАЦІЕЙ ДЕРЕВНИ. С—наго 76—

19. ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. 83—

1. ТВЕРЬ. (Земскія дѣла). С. Ан. Ч—аго. 91—

2. ИЗЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ. (Введеніе въ губерніяхъ края земскихъ учрежденій; изъ дѣятельности Кіевскаго общества грамотности). С. Б. 115—

20. ИЗЪ ЖИЗНИ ПРОВИНЦІИ. 121—

Журналъ «Хозяинъ» о русскомъ обществѣ. — Вошли и проекты г. Яромкина. — Призывы русскихъ аграріевъ къ объединенію. — Исчезновеніе патриархальнаго строя. — Становой-законодатель. — Оригинальный (ревизоръ риге-орловской жел. дор. и желѣзно-дорожные порядки. — Просвѣтительныя учрежденія и «неблагопріятныя условія» мѣстной жизни. — Штатсъ-народникъ г. Гофштеттеръ. В. Богучарскаго.

21. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. 139—

Греко-турецкая война. — Австро-русское сближеніе. — Историческая справка объ отношеніяхъ Греціи и Австріи къ Россіи. — Разложеніе Австро-Венгріи. — Національный вопросъ. — Императоръ и социалдемократы. — Нѣмецкіе культуртрегеры въ Африкѣ. — Пожаръ на улицѣ Гужона. — Покушеніе на жизнь короля Гумберта. — Колоніальныя войны Испаніи. — Первое примѣненіе маузеровскихъ ружей въ Испаніи. В. П.

22. ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ. 162—

1. ИЗЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. I. Перемѣна администраціи. И. Г. 170—171

2. ИЗЪ АВСТРИИ. I. Еще о выборахъ въ Галиціи. Л. Василевскаго. 179—200

II. Избирательная борьба въ Вѣнѣ. П. Т.

23. ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Высочайшій рескриптъ на имя статсъ-секретаря Дурново. Дворянскій вопросъ и его экономическая почва. Перспективы «рѣшительныхъ и всеобъемлющихъ реформъ». Дореформенное дворянское управленіе. Культъ «принципа понужденія». — Биметаллистическая агитация. Докладъ г. Бутми и пренія по нему. — Предложеніе г. Стаховича, какъ одинъ изъ симптомовъ перемѣны настроенія въ первенствующемъ сословіи. — Изъ литературы вопроса о хлѣбныхъ цѣнахъ. — Новый законъ о печати. — Отмѣна паспортнаго сбора. Въ какой мѣрѣ уничтожаетъ она фискальное значеніе паспортной системы? П. Б.

24. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ апрѣлѣ. 207—22

25. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При этой книжкѣ разсылается отдѣльное объявленіе отъ склада С. З. Орлова, въ г. Бузулукѣ

НОВЫЯ КНИГИ.

I. Беллетристика.

В. Быстренинъ. Житейскія были. Очерки и рассказы. М. 1895 г. Ц. 1 р.

Каждому нашему сознательному дѣйствию предшествуетъ извѣстное волевое движеніе, а всякое данное волевое движеніе опредѣляется цѣлымъ рядомъ условій, коренящихся въ состояніи нашего организма или во внѣшнихъ вліяніяхъ на него. Одни изъ этихъ условій способствуютъ данному движенію воли, другія препятствуютъ ему. Поэтому каждое такое движеніе является результатомъ цѣлой алгебраической суммы условій. Процессъ ихъ суммированія совершается болѣе или менѣе быстро и отражается въ нашемъ сознаніи въ видѣ борьбы различныхъ чувствъ или взвѣшиванія различныхъ доводовъ въ пользу даннаго дѣйствія или противъ него. Окончаніе процесса суммированія сознается нами, какъ торжество извѣстнаго чувства или довода, за которымъ слѣдуетъ рѣшеніе поступить такъ, а не иначе. Когда художникъ хочетъ изобразить психологію отдѣльнаго постука или цѣлой цѣпи поступковъ, онъ воспроизводитъ именно этотъ *сознательный процессъ* борьбы различныхъ чувствъ и доводовъ. Если воспроизведеніе удачно, то мы приобретаемъ твердое убѣжденіе, что герой непременно долженъ былъ дѣйствовать такъ, какъ его заставилъ дѣйствовать художникъ, а если оно блѣдно или неполно, то развертываемая передъ нами психологическая картина неубѣдительна. Большая или меньшая степень этой художественной убѣдительности зависитъ отъ размѣровъ художественнаго таланта. Иногда художникъ и самъ чувствуетъ, что ея маловато въ сдѣланномъ имъ изображеніи. Тогда онъ спѣшитъ указать причины, вслѣдствіе которыхъ его герой не могъ вести себя иначе. Но такая аргументація не поправляетъ дѣла. Мало-мальски опытный человѣкъ сейчасъ видитъ, что авторъ вообще не можетъ справиться со своей задачей или еще не приобрѣлъ того умѣнья, той технической споровки, безъ которой трудно использовать всѣ природныя силы таланта. И чѣмъ скорѣе художникъ отдѣляется отъ дурной привычки *доказывать* тамъ, гдѣ надо *рассказывать*, *разсуждать* тамъ, гдѣ надо *рисовать*, тѣмъ лучше будетъ и для него самого, и для его читателей.

Эти мысли пришли намъ въ голову при чтеніи книги г. Быстренина, названіе которой выписано выше. Талантъ его невеликъ, да невелико пока и умѣнье пользоваться тѣмъ, что ему дала мать-природа. Когда г. Быстренинъ чувствуетъ, что ему измѣняется художественный талантъ, тогда онъ зоветъ на помощь силу логики, которая нерѣдко измѣняетъ ему еще коварнѣе. Въ очеркѣ «*На*

мірскихъ жлбахъ» у него фигурируетъ подкидышъ Васька, который уже въ раннемъ возрастѣ обладаетъ способностью составлять «обширные планы» для борьбы за свое существованіе. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ребенокъ никогда не испытывавшій заботливаго родительскаго ухода, очень рано привыкаетъ рассчитывать только на себя и потому становится смѣлѣе, настойчивѣе и самостоятельнѣе своихъ, воспитанныхъ въ семьяхъ, ровесниковъ. Но г. Быстренинъ боится, что мы усомнимся въ этой старой истинѣ, и потому снѣшить принести въ ея пользу нѣсколько новыхъ соображеній. «Пусть Васька былъ крутымъ невѣждой, — говоритъ онъ между прочимъ, — но жизненный инстинктъ, способность приспособленія и даже хитрость были развиты въ немъ весьма сильно. Можетъ быть, это было вліяніе наслѣдственности, потому что мать, вынужденная бросить ребенка, понятно, пережила до этого времени цѣлый рядъ потрясающихъ ощущений, и ощущенія эти вошли въ его плоть и кровь» (стр. 117). Этихъ соображеній нельзя назвать удачными. Что женщина, которая тяжелыми обстоятельствами была принуждена забросить, какъ щенка, своего собственнаго ребенка, пережила много потрясающихъ ощущенийъ еще до его рожденія, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но рѣшительно непонятно, почему эти пережитыя ею тяжелыя ощущенія должны были отразиться на характерѣ ребенка въ видѣ «хитрости» и «способности приспособленія». По всему видно, что г. Быстренинъ вспомнилъ о «наслѣдственности» по той простой, но печальной причинѣ, что характеръ его героя ему самому показался невѣроятнымъ. А между тѣмъ невѣроятнаго въ характерѣ Васьки ничего нѣтъ. Васька просто страдаетъ *неодобланнымъ*, влѣдствіе которой онъ только частью выступаетъ, какъ живое лицо, частью остается неодушевленнымъ разеужденіемъ на данную психологическую тему. Неодобланнымъ страдаютъ рѣшительно всѣ герои г. Быстренина. Поэтому въ ихъ дѣйствіяхъ совсѣмъ нѣтъ внутренней необходимости. Такъ, на примѣръ, въ очеркѣ «Судьба» рабочій Гордѣй Иванычъ рассказываетъ, какъ онъ влюбился въ одну дѣвушку, которая вела прежде нехорошую жизнь, но сильно страдала отъ этого и даже покушалась на самоубійство. Прочитавъ этотъ рассказъ, вы не подумаете, конечно, что Гордѣй Иванычъ лжетъ; вы повѣрите ему, такъ какъ не имѣете ни малѣйшаго основанія не вѣрить. Но у васъ не явится и убѣжденія въ томъ, что это непременно такъ и было. Впечатлѣніе, производимое рассказомъ Гордѣя Иваныча, остается слабымъ и неопредѣленнымъ.

Подобное же неопредѣленное впечатлѣніе производитъ и набросокъ «Святая ночь», хотя онъ написанъ нѣсколько лучше. Наканунѣ праздника Пасхи къ сельскому учителю Матвѣю Николаевичу возвращается его жена, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ убѣжавшая съ начальникомъ сосѣдней желѣзнодорожной станціи. Ея появленіе вызываетъ въ немъ мучительную борьбу противоположныхъ чувствъ. Съ одной стороны въ немъ кипитъ злоба чловѣка, много настрадавагося въ одиночествѣ и въ добавокъ твердо убѣжденнаго въ томъ, что измѣна жены мараетъ «доброе имя» мужа. Ему хочется прогнать ее, «пославъ ей въ догонку позорный, заслуженный ею (sic!) эпитетъ». Съ другой стороны онъ невольно жалѣетъ ее: она выглядитъ такой униженной и несчастной. Выйдя изъ дому, чтобъ собраться съ мыслями, Матвѣй Николаевичъ попадаетъ на могилу

своего ребенка, родившагося еще въ первый годъ его брачной жизни и скоро умершаго. Тамъ онъ находитъ носовой платокъ своей жены, которая, очевидно, уже успѣла навѣстить имъ обоимъ дорогую могилу. Сначала это неожиданное обстоятельство еще болѣе усиливаетъ царившій въ его головѣ хаосъ противоположныхъ мыслей. Но раздается ударъ колокола, зовущаго вѣрующихъ къ торжественной пасхальной заутрени, и въ умиленной душѣ Матвѣя Николаевича разомъ воцаряется миръ и къ человѣкомъ благоволеніе: онъ бѣжитъ христосоваться съ женою, «увлекаемый какой-то невѣдомой силой». И это, разумѣется, очень хорошо. Когда г. Быстренинъ сообщаетъ вамъ объ этомъ, вы отъ души рады и за добраго, хотя неразвитаго учителя, и за его бѣдную Елену Ивановну. Но ни «святая ночь», ни могилка, ни мокрый платокъ, ни даже жалкій видъ измученной Елены Ивановны не внушаютъ вамъ достаточнаго убѣжденія въ томъ, что Матвѣй Николаевичъ непременно долженъ былъ помириться съ нею. Если бы г. Быстренинъ сказалъ вамъ, что его герой окончательно разсвирѣпѣлъ, когда убѣдился, что женщина, «заслужившая позорный эпитетъ», позволила себѣ осквернить своимъ присутствіемъ могилу его ребенка, и, подстрекаемый «какой-то невѣдомой силой», вытолкалъ бѣдную Елену Ивановну въ шею, то вы повѣрили бы и этому, хотя и замѣтили бы про себя, что такая развязка очень легко могла бы совершиться и въ обыкновенную ночь. А затѣмъ вы сейчасъ же и забыли бы о непримиримомъ Матвѣѣ Николаевичѣ, какъ позабудете теперь о Матвѣѣ Николаевичѣ, умилившемся по случаю «Святой ночи». Это плохой знакъ. А мы взяли далеко не слабѣйшія произведенія г. Быстренина. Вотъ въ разсказѣ «Добился» дѣло обстоитъ еще хуже. Тамъ выведенъ кулакъ, неизвѣстно почему вдругъ почувствовавшій, что «такъ жить нельзя» и рѣшившійся покорить свою внезапную добродѣтельную тѣхъ самыхъ крестьянъ, которыхъ онъ прежде покорялъ рублемъ. Крестьяне крайне скептически относятся къ его нравственному возрожденію: «такъ и повѣрили, говорятъ они, ишь дураковъ нашель, чортъ зубастый! Живорѣзь!» Мы понимаемъ этотъ скептицизмъ. Мы сами не *втримъ*, мы сами считаемъ совершенно ничѣмъ необоснованнымъ нравственный переворотъ, пережитый героемъ разсказа «Добился». Г. Быстренинъ увѣряетъ, что его герой «является не болѣе, какъ однимъ изъ мучениковъ разлада, внесеннаго общимъ движеніемъ жизни и въ ту среду, которая по справедливости зовется темнымъ царствомъ» (стр. 277). Можеть быть; но мы совсѣмъ не видимъ, какимъ образомъ этотъ разладъ коснулся души его героя, а потому весь разсказъ производитъ на насъ очень непріятное впечатлѣніе выдуманности и неестественности. А при другихъ условіяхъ онъ имѣлъ бы большой интересъ, потому что, дѣйствительно, «общее движеніе жизни», ломая наши старые экономическіе порядки, ломаетъ также и нѣкогда твердые взгляды людей, внося безпокойство и разладъ туда, гдѣ еще недавно царили тишь да гладь да Божья благодать. У г. Быстренина есть «этюды изъ крестьянской жизни» подъ названіемъ «Вора поймали!» Крестьяне схватили конокрада, темной осенней ночью забравшагося на дворъ къ одному изъ нихъ. Связавъ ему руки, они толкуютъ, какъ поступить съ нимъ. По старому обычаю его слѣдовало бы «пришибить», какъ злого разорителя. Къ этому и склоняются «хозяйственные» за-

житочные крестьяне. Но бѣдняки не согласны съ этимъ. «Не ладно эдакъ-то, — кричить Ефимъ Борона, одѣтый не то въ рваный пиджакъ, не то въ бабью кофту, — отчего Пашка воръ? Тоже надо это постигнуть!.. У него жена хвора, да трое ребятишекъ, а надѣлъ-то какой? Лѣтомъ, какъ землю дѣлили, зачѣмъ у него полторы души взяли? Ну-ка, умная голова, объясни мнѣ эту самую причину? То-то и есть! У Пашки-то взяли, а тебѣ, Демьянычъ (тотъ самый крестьянинъ, у котораго на дворѣ поймали Пашку) прирѣзали, потому ты старикамъ угощеніе выставилъ», и т. д. (стр. 158). Послѣ жестокой взаимной брани и безконечныхъ взаимныхъ обвиненій вора отпускаютъ цѣлымъ и невредимымъ на всѣ четыре стороны, и, когда онъ пускается бѣжать со всѣхъ ногъ, его защитникъ, оборванецъ Борона, заливается добродушнымъ смѣхомъ: «Ахъ, ты проворный какой! Вишь обрадовался и не притворилъ двери-то... Ахти, грѣхи наши тяжкіе!.. Ну, что жъ, можно, чай, и по домамъ?» (стр. 166). Согласитесь, что это очень интересное нравственное явленіе, внесенное въ нашу крестьянскую среду «общимъ движеніемъ жизни», такъ называемымъ *слоеніемъ деревенскаго населенія по различнымъ степенямъ зажиточности*. Если бы Пашка имѣлъ дѣло съ одними «хозяйственными» крестьянами, то ему пришлось бы плохо. Его спасло сочувствіе бѣдняковъ, которые не могли не припомнить при этомъ, какъ много приходится терпѣть имъ всѣмъ отъ «хорошихъ» домохозяевъ. Они начинаютъ разбирать, почему Пашка сдѣлался воромъ, и вмѣсто безчеловѣчнаго приговора является гуманное рѣшеніе, — это уже очень яркій лучъ свѣта въ нѣкогда совершенно темномъ крестьянскомъ царствѣ. Если бы наши беллетристы, изображающіе народную жизнь, сумѣли совершенно отдѣлаться отъ народническихъ предразсудковъ, то они навѣрное увидѣли бы много подобныхъ явленій, которыя мало-по-малу совершатъ цѣлый переворотъ въ психологіи нашей трудящейся массы. Но, къ сожалѣнію, эти беллетристы пока еще охотнѣе созерцаютъ зрѣлище смерти, чѣмъ рожденія, охотнѣе изображаютъ гибель стараго, чѣмъ появленіе новаго; ихъ взоры прикованы къ прошлому, а къ будущему они упорно поворачиваются спиною.

Этюдъ «*Вора поймали*» есть положительно лучшій изъ всѣхъ «этюдовъ», «набросковъ», очерковъ и т. д. г. Быстренина, хотя и онъ нечуждъ недостатковъ, свойственныхъ этимъ очеркамъ. Г. Быстренинъ хорошо сдѣлалъ бы, если бы почаще брался за подобные этюды. Отъ этого его талантъ выигралъ бы гораздо больше, чѣмъ отъ литературныхъ упражненій, подобныхъ «*фантази Es-moll*». Въ этой «фантази» черзчуръ уже много той *фантази*, которая близко граничитъ съ *чертовщиной* и которая ни къ чему хорошему не приводила даже и очень талантливыхъ писателей. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ ней очень силенъ элементъ *подражанія*.

Все это мы говоримъ вовсе не потому, что какая-нибудь «невѣдомая сила» заставляетъ насъ придирается къ г. Быстренину. Мы совершенно искренно желаемъ ему большого успѣха въ будущемъ. Его талантъ невеликъ, но, во-первыхъ, мы небогаты даже и небольшими талантами; во-вторыхъ, и небольшой талантъ можетъ и долженъ совершенствоваться; въ-третьихъ, и съ небольшимъ талантомъ, особенно при разумномъ употребленіи его въ дѣло, можно принести

много пользы читающей публикѣ: нужны только добрая воля да умѣнье выйти на настоящую дорогу.

II. Публицистика.

В. С. Драгомiрецькій. Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Славянскаго благотворительнаго общества 8 дек. 1896 г. Петроградъ. Печатня Евдокимова. 1897 г. Ц. 10 к.

Малъ золотникъ, да дорогъ. Не велика брошюра г. Драгомiрецькаго—въ ней останется всего какія-нибудь 10 стр., если изъ общаго счета исключить титульный листъ и посвященіе тому самому Славянскому обществу, въ которомъ г. Драгомiрецькій произносилъ свою рѣчь,—а свѣдѣній и идей въ ней—цѣлая сокровищница. И при этомъ превысренній штиль, коимъ она написана—верхъ совершенства. Судите сами.

«Куда дѣвалась эта драгоцѣнная жемчужина Русской земли (Галиція)?» спрашиваетъ авторъ.

«Если отвѣтъ на всѣ эти вопросы не вызоветъ слезъ состраданія, то это только потому, что воспоминаніе объ участи Галицкой Руси заглохло уже давностию. Тамъ гдѣ когда-то блистали великолѣпные княжескіе дворцы,—нынѣ еврейскія корчмы. Въ церквахъ, гдѣ когда-то *природное церковное богослуженіе* было гордостію русскихъ галичанъ и озаряло радостію ихъ сердца,—нынѣ мѣсто римскихъ интригъ, стремящихся къ полнѣйшему развращенію и гибели народа. На мѣстѣ удалыхъ когда-то и гремѣвшихъ своей славой галицкихъ бояръ,—нынѣ пустошь, образовавшаяся вслѣдствіе совершеннѣйшей гибели русскаго дворянства. Вмѣсто свободнаго когда-то народа, нынѣ рабы, истомленные въ вѣковой борьбѣ съ непосильнымъ жестокамъ гнетомъ».

На трехъ страницахъ, кратко и сильно, изложена вся исторія Галиціи. Мы узнаемъ изъ нея, что «вся Галицкая Русь въ одно мгновеніе (!) наполнилась польскими выходцами изъ всего міра и въ особенности разными проходцами изъ Привислинскаго края».

«Гоненіе на русскихъ и на всѣ самыя святыя ихъ учрежденія слѣбалось любимой цѣлью и занятіемъ австрійскихъ поляковъ». Боже мой! что за народъ эти поляки! Но ихъ гоненія достигли цѣли и успѣли растлить галицкій народъ. «Политическое растлѣніе привело русскую интеллигенцію къ раздѣленію на разныя партіи» (стр. 9). До сихъ поръ мы думали, что раздѣленіе на партіи совершенно неизбѣжно во всякомъ живомъ обществѣ;—но теперь мы поняли наше заблужденіе. «Все русское населеніе Галичины чутко прислушивалось къ біенію сердца Москвы. Это возмутило поляковъ и они стали принимать мѣры къ угашенію этихъ естественныхъ святыхъ чувствъ. Да и мѣры-то мелкія, дышущія безсильной мстью, точь въ точь какъ характеръ польской шляхты» (стр. 13). Въ польскихъ газетахъ появляются такія статьи, «что не то что передавать но и читать совѣстно» (стр. 14). Мечтать о какомъ-либо примиреніи съ поляками—чистое безуміе. «Разсказываютъ, между прочимъ, что всѣ примирительныя статьи поляковъ, безопадно конфискуются Варшавскою цен-